

М. Я. Сюзюмов

ЕЩЕ РАЗ О ЮРИДИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ ДЛЯ ИСТОРИИ КОЛОНАТА*

Отношение к юридическим источникам для истории колоната зависит от методологических установок. Изучение роли действующего права и законодательства в создании, устойчивости, определенной специфике и в развитии отдельных институтов зависит от разрешения вопроса о действии надстройки на базис. При господстве взгляда на правовые идеи общества как на пассивное отражение существующих экономических отношений могло быть только отрицательное отношение к юридическим источникам в целом. Юридические памятники использовались главным образом, если в них имелись конкретные данные об обществе, указывались реформы, запреты и т. д. В таком духе, собственно говоря, и построена статья покойного профессора А. Б. Рановича «Колонат в римском законодательстве IV—V в.» (ВДИ, 1951, № 1). Эта работа была написана покойным задолго до его смерти, последовавшей в 1948 г. Характерно, что в то время даже такой учёный, как А. Б. Ранович, не мог достаточно глубоко и правильно выяснить роль надстройки в процессе развития колонатных отношений. Так как вся статья А. Б. Рановича касалась роли законодательства в развитии колоната (как учреждения, пересмотр основных положений этой работы является настоящей необходимостью.

И. В. Сталин в ответе тов. Крашенинниковой четко определил роль надстройки: «Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создаёт для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения»¹. Так определяет И. В. Сталин роль надстройки. В статье же покойного А. Б. Рановича развивается неправильное положение, что воздействие на экономику могут оказывать только политические акты, а идеологическая надстройка лишь пассивно отражает сложившиеся или отжившие общественные отношения: «Не следует смешивать право как идеологическую надстройку с изданием того или иного закона как конкретного политического акта», — писал А. Б. Ранович. «Дигесты и институции представляют собою свод римского права и потому л и ш ь о т р а ж а ю т (разрядка моя. — М. С.), с точки зрения господствующего класса, давно сложившиеся, а порой даже уже отжившие об-

* По поводу статьи А. Рановича, Колонат в римском законодательстве IV—V вв., ВДИ, 1951, № 1, стр. 83 сл. Печатается в порядке обсуждения проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 36.

щественные отношения. Но отдельные законодательные акты, ...будучи в конечном счете продуктом экономических отношений, оказывают обратное воздействие на экономику» (ук. соч., стр. 89). А. Б. Ранович считал «юридический подход» «бесплодным» (там же, стр. 83). Другими словами, А. Б. Ранович считал, что при определении колоната как юридического института нет смысла изучать юридические идеи того времени, тогда как мы знаем, что надстройка, обслуживая общество политическими, юридическими и другими идеями, создает соответствующие политические, юридические и другие учреждения.

А. Ранович изучает не юридические идеи, а отдельные декреты правительства. Кодексы и Дигесты рассматриваются им как исторический сборник декретов правительства, причем совершенно не принимается в расчет то обстоятельство, что Кодексы и, в особенности, Дигесты редактировались как действующее право. Правда, идеи Дигест возникли в особых условиях, не похожих на обстановку IV—V вв., но не следует смешивать вопрос о происхождении идей с вопросом о роли этих идей в данный период. Если положения старинных юристов выдвигались как действующее право, то, очевидно, эти идеи обслуживали общество, способствовали (в реакционном или прогрессивном направлении) укреплению или развитию определенных юридических институтов, соответствовавших интересам определенных классов и прослоек.

Полное игнорирование «юридического подхода» свойственно не марксизму, а, скорее, экономическому материализму. Мне кажется, что марксисту-историку, занимающемуся анализом законодательства, надлежит не отбрасывать «юридический подход» как «бесплодное» занятие, а выяснить не только, как возникли в конечном счете такого рода правовые воззрения, по которым подвластного человека можно продать, но не убить, — необходимо выяснить, в какой конкретной форме, через какие проявления классовой борьбы в законодательстве эти взгляды закрепились в обществе как действующее право.

А. Ранович констатировал, но не пытался анализировать, почему юстициановы юристы упорно продолжали рассматривать колонат в рамках *μίσθωσις* и *ἐκμίσθωσις*, а колоната называли *μίσθωτός*. Между тем без анализа этого противоречия невозможно уяснить роль старых и новых идей в применении к установлению колоната. А. Ранович видит важный недостаток Дигест, как источника для определения сущности колоната, в том, что «составители Дигест пытались создать единую теорию права», «приспосабливая материалы к политическим тенденциям своего времени». Но это является как раз самым ценным для определения правовых взглядов того времени, для выяснения того, содействовали ли они и закрепляли, или же препятствовали развитию стихийно создававшихся на базе распада рабовладельческого строя производственных отношений.

Разумеется, по Дигестам мы не сможем изучать развитие новых производственных отношений: люди вступали в новые производственные отношения независимо от их правовых воззрений, в результате изменения производительных сил. Но мы можем выяснить, насколько упрочились идеи, способствующие укреплению этих новых производственных отношений. выяснить, как, с какими изменениями и особенностями могли оформляться новые производственные отношения в рамках несоответствующего им действующего права; эта важная задача историка может быть разрешена только при использовании Дигест и Институций.

Вся эволюционистская историография разбирала юридические памятники позднеимперского времени, чтобы доказать постепенное развитие феодализма в недрах античного мира, что позволяло им отрицать падение античности. Центр их внимания был направлен на изучение процесса пре-

вращения колона в типичного средневекового серва. В основном это традиционное отношение к юридическим источникам осталось и до настоящего времени. А. Ранович оттеняет в законодательстве одну сторону процесса: как и когда происходило закрепощение крестьян и как оно распространилось на всю территорию Империи. Но это лишь одна сторона процесса: колонатные отношения вовсе не привели к созданию феодального общества. На Западе «... между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»¹. На Востоке — между энапографом и париком стоял *γεωργός* свободной общины «Земледельческого Закона». Для того чтобы средневековые *consuetudines* восторжествовали над идеями Дигест, понадобились движения рабов, нашествия варваров и века генезиса феодализма. «Общественные классы IX столетия сформировались не в обстановке упадка гнущей цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации»². Мне кажется, что центром внимания при изучении законодательных источников должен быть не столько вопрос о возникновении и развитии крепостного крестьянства, сколько задача определить, чем отличается колон V в. от феодального крепостного IX в.; наряду с изучением распространения крепостничества в IV—V и VI вв. следует особенно акцентировать на моментах, препятствовавших созданию в условиях падающего античного мира устойчивого класса феодально-зависимых крестьян.

Всю политику в отношении колоната А. Ранович представляет последовательной и единой, как неуклонное постепенное закрепощение и распространение его на всю территорию империи. Невольно создается впечатление, что не сохранение рабовладельческих отношений, а создание феодальных является основной целью политики позднеримского императорского правительства, что позднеримская империя уже в основном была государством феодальным... В условиях, когда реакционная власть в первую очередь старалась сохранить рабовладельческие устои античного мира, когда рабство уже оказывалось нерентабельным, но когда феодальные формы эксплуатации не доказали еще своего превосходства, политика в отношении колоната не могла быть прямолинейной. Необходимо считаться с тем, что позднеримское законодательство находилось под исключительным влиянием интересов города и должно было отражать те глубокие изменения, которые происходили в городах того времени. В обстановке упадка рабовладельческого способа производства некоторая, притом большая, часть «полисов» аграризировалась. Но в то же время некоторые города востока даже укрепились, имея тенденцию превратиться из античных городов-полисов в мощные «города-эмпории»³, средневекового типа. Интересы свободного населения этих городов-эмпориев при наличии относительно развернутого товарного, даже массового производства, интересы собственников городских земельных участков, пригородных *προκτετα* и *suburbia*, вовлеченных в товарное хозяйство, совершенно не совпадали с интересами феодализирующихся землевладельческих групп Запада, Малой Азии и Египта, и это противоречие, разумеется, не могло не отразиться на юридической концепции колоната. Таким образом, юридические теории Дигест отражали не давно исчезнувшие условия II в., а интересы втянутой в товарное хозяйство земельной знати мощных городов-эмпориев, в руках которой фактически находился государственный аппарат позднеримской и ранневизантийской империй. В законодательных источниках

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 131.

² Там же.

³ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат, 1940, стр. 48.

отражена эта внутренняя борьба эксплуататорских групп: это был спор о формах эксплуатации производителей материальных благ.

Отношения, складывающиеся в натурально-хозяйственном поместье, рассматривались юридической теорией в свете тех отношений, которые были характерны для проастиев, ведущих товарное хозяйство пригородных земельных участков. В статье А. Рановича не делается различия между этими двумя видами землевладения. В результате А. Ранович относил к колонам такие тексты, которые безусловно относятся к пригородным хозяйствам, например, Dig., 19, 2, 19, 2— в этом тексте даже слово «колон» не употребляется. По смыслу же — это предпринимательское мероприятие городского дельца. Текст CI, IV, 16, 29 совсем не доказывает зависимость колона — текст касается только городского съемщика дома, который отвечал за хищническое его использование. Текст Dig., 19, 2, 15, где перечисляются льготы колонам, большею частью подходят по смыслу к пригородным участкам, ведущим товарное хозяйство (виноградники, сады, огороды). Многолюдные города-эмпории (Константинополь, Фессалоники, Антиохия и др.) потребляли столь большое количество масла, вина, овощей, фруктов, что пригородные хозяйства были охвачены теми же отношениями, которые господствовали в городе, т. е. отношениями locatio-conductio.

По принципу locatio-conductio городской земельной знати было выгодно сдавать дома под квартиры, помещения под мастерские, пригородные земельные участки прохатаи с виноградниками, садами, огородами, оливковыми рощами, т. е. все, что носило товарный характер. Вдали же от городов, где крепки были натурально-хозяйственные отношения, μισθωσις и ἐκμισθωσις заменялось отношениями δεσπότης и ὑπερβούσιος.

Я предпочитаю греческую терминологию переводов Дигест, так как термины οἰκοδεσπότης и ὑπερβούσιος точнее передают сущность понятий, чем архаические латинские pater familias (который мог вовсе не быть pater) и filius familias (который мог быть вовсе не filius) (ср. Dig., 50, 16, 195, где подробно разъясняется сущность понятия pater familias).

По нашему мнению, слишком много уделяется внимания вопросу о праве свободного передвижения, которое, с точки зрения «буржуазных свобод», является основным показателем свободы, но которое в условиях нормальной оседлой жизни крестьянина вовсе не имеет особого значения; притом отсутствие этой свободы менять местожительство и профессию в представлениях людей IV—VI вв. вовсе не было показателем несвободного состояния. Значительно меньше уделяется внимания различным формам отношений производителей материальных благ к средствам производства — с одной стороны, ὑπερβούσιων (τὰ τοῦτων τεχνούλια) и, с другой стороны, ἐλευθέρων μισθωτῶν (μετὰ τῶν πραγμάτων αὐτῶν)—или же servum cum peculio в противоположность к adscriptitium cum terra (CI, XI, 47, 24). Анализ этих отношений дал бы возможность уточнить смысл термина μισθωτός.

На стр. 97 А. Ранович, указывая, что имущество ἐναπογράφων император Анастасий (в поздней передаче в Bas., 55, 1, 18) называет τὰ τεχνούλια, приходит к выводу: «При таком положении вещей владлец имения мог диктовать колону любые условия найма». Но что общего между пекулием и наймом? Раз давался пекулий, то никакого найма быть не могло. Пекулий давался только зависимому, наем же мог состояться между взаимно независимыми лицами.

Прежде чем получить τεχνούλιον, лицо должно из αὐτεβούσιος превратиться в ὑπερβούσιος. Конечная причина этого ясна, но мы не можем из наличия возможности, вытекающей из чисто хозяйственных условий, прямо переходить к юридическим институтам, минуя всю сложность классовой борьбы и борьбы на идеологическом фронте в период краха рабовладельческого общества.

Текст Dig., 43, 32, I, Pr. I (De migrando) истолкован А. Б. Рановичем предвзято. Из этого текста он делает следующий вывод: «Поссессор может, таким образом, беспрепятственно наложить руку на все достояние колона. Неудивительно поэтому, что имущество колона в позднейших текстах называется, как и имущество раба, пекулием» (ук. соч., стр. 97). Текст об этом не говорит. В статье De migrando Ульпиан считает, что квартиронаниматель, внесший всю сумму арендной платы, может уехать из дому до истечения срока аренды. Колон же, арендовавший участок земли, не может бросить своего участка, даже если внес полностью арендную плату вперед. Комментаторы разъясняют почему: ὁ μέντοι ἄγρον μισθώσμενος, ἐπεὶ μὴ ἐπὶ τῷ οἰκεῖν μισθοῦται, ἀλλ' ἐπὶ τῷ γεωργεῖν, εἰκότως οὔτε μετοικεῖν ἂν λέγοιτο, ὅτι τὴν μισθῶσιν λυεῖ... (Bas., LX, XIX, I, с. 5), т.е. колон, арендовавший землю, получил участок земли на определенном условии — обработать участок; и если он бросит участок, не обработав его, то, хотя бы он и уплатил всю сумму арендной платы вперед, он тем не менее договора не выполнил, и землевладелец может наложить на его имущество запрет. Из этого текста совсем не вытекает, что имущество колона стало, как и имущество раба, пекулием. Во-первых, название «пекулий» вовсе не означает только имущество раба. Пекулий мог получить любой ὑπεξούσιος (Dig., 15, 1). Во-вторых, текст говорит лишь о том, что владелец мог наложить запрет на вещи того ἄγρου μισθῶτός, который желал переселиться. В таком случае колон не имел права на τῷ περὶ βίας παραγγέλματι. Но если колон не желал переселяться и аккуратно платил pensionem, то, очевидно, всякая попытка наложить руку на имущество попадала бы под статью закона CI, VIII, 4 — unde vi!

Насколько применялся титул unde vi в отношениях землевладельца и колона в действительности, разрешалось не столько взаимоотношением сил колона и землевладельца, сколько относительной мощью в данный период тех прослоек господствующих классов, которые шли по пути феодализации, и тех, кто боролся против феодализации. Unde vi не применялось в отношениях δεσπότης и ὑπεξούσιος¹.

Следовательно, чрезвычайно важно было бы уяснить, каким образом αὐτεξούσιος μισθῶτός в правовом отношении превращался в ὑπεξούσιος. Юридические памятники дают обширный материал, характеризующий правовое положение ὑπεξούσιων, вне которого μισθῶτός остается тем свободным арендатором, каким его считают юристы Дигест и Василий. Стремление определенных кругов расширить состав ὑπεξούσιων очевидно: об этом говорят все ухищрения права в части залога, обязательств, прекария, манумиссий, пекулия... К тому же нужно считаться также с той ролью, которую действующее право и юридические идеи того времени отводили обычаю (δεῖ προσέχειν ἐπὶ τῶν μισθώσεων τῇ συνηθείᾳ τῶν τόπων, Sch. ad CI, IV, 65, 19). Но в конце концов нужно считаться с тем, что юридические памятники позднеримского и ранневизантийского общества не могут дать того определения колоната, какое мы ожидали бы для феодально-зависимого крестьянства, главным образом потому, что юридические взгляды того времени далеко еще не были феодальными, да и колонат не был учреждением феодальным, но учреждением, характерным для позднерабовладельческого общества, когда рабский труд уже казался нерентабельным, но когда господствующие слои общества еще стремились сохранить в неприкосновенности всю политическую и юридическую надстройку рабовладельческого общества.

¹ ὁ δὲ τὸν ἴδιον ὑπεξούσιον κρατῶν τοῦτω τῷ ἰντερδίκτω οὐκ ἐνάγεται. Οὐδεὶς δοκεῖ δόλον ποιεῖν τῷ οἰκείῳ δικαίῳ χρώμενος (Bas., LX, 47, 3, с. 2—3).

Борьба вокруг развивающегося закрепощения крестьянства, разумеется, должна была отразиться в законодательных памятниках. Должен, однако, заметить, что ссылка на *CI, IX, 30 de seditiosis* не относится к восстаниям и волнениям в деревне. Обе статьи и 384 и 466 гг. относятся к городским мятежам. Статьи направлены против «возгласов», характерных для выступлений городских масс в связи со зрелищами, против *clamores*, нарушающих *publicam disciplinam*. Гораздо яснее о классовой борьбе в деревне говорится в *Dig., 48, 6, 11* и *Dig., 48, 19, 16, 9*, где упоминается о грабежах имений и о повышенных наказаниях для *incensores messium* в Африке и тех, кто уничтожал виноградники на Балканском полуострове. Поджог жатвы и уничтожение урожая — типичные акты аграрных волнений.

Несмотря на наличие колоссальной литературы, вопрос о колонате все еще требует новых и новых исследований. Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания раскрывают новые возможности изучения вопроса о колонате, как институте поздне-рабовладельческого общества; необходимо преодолеть пренебрежительное отношение к роли правовых воззрений общества и полностью освободиться от влияния, хотя бы косвенного, буржуазной эволюционистской историографии.

